

КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, первоначальника русскихъ иноковъ, начавшихъ подвизаться въ пещерахъ.

Посланный Промысломъ Божіимъ, онъ принесъ въ Россію благословеніе святой Аѳонской горы, и положилъ въ ней начало совершенному иноческому житію и основалъ при дивныхъ чудесахъ святую Печерскую Лавру.

Благословенъ Богъ, сотворившій все премудростью, Который хочетъ спасенія и просвѣщенія разумомъ истины всѣмъ людямъ. Благословенъ Онъ за то, что не оставилъ до конца Россійской нашей земли, и не попустилъ ей помрачиться тьмою невѣдѣнія, вдали отъ путей спасенія.

Подобно тому, какъ въ началѣ міра, когда вся земля была покрыта тьмою, находившеюся надъ бездною, и Духъ Святой носился надъ водами — прежде всего сотворилъ Богъ свѣтъ для новосозданной земли, потомъ повелѣлъ Онъ

солнцу возсіять надъ землею и далъ солнцу во власть день, а лунѣ и землѣ назначилъ просвѣщать и обладать ночью: такъ, когда пришелъ конецъ назначеннымъ годамъ, а наша Россійская земля была помрачена адскою тьмою, невѣдѣніемъ спасенія, тогда Святый Духъ, носясь надъ крещеніемъ, преподаннымъ намъ чрезъ благовѣрнаго князя Владиміра, просвѣтилъ насъ впервые свѣтомъ вѣры. Потомъ открылъ намъ Солнце мысленное, свѣтящее добрыми дѣлами, чтобъ сіяло оно намъ въ дни спасенія, давая свой свѣтъ и мысленнымъ лунѣ и звѣздамъ, осѣняющимъ помощью своею нашъ путь во тьмѣ нерадѣнія.

И избралъ Онъ на то преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Антонія, который вскорѣ по крещеніи Россіанъ, какъ второй Моисей, послѣ перехода Израильтянъ чрезъ море, повинувшись призыванію Божію, взошелъ на святую гору — не Синайскую, дымящуюся огнемъ ярости Божіей, но Аѳонскую, сіяющую благодатію Богородицы, гдѣ принялъ онъ благодатный законъ, переданный по ангельской помощи святому иноческому чину. И, когда онъ пришелъ съ Аѳона, посланный Богомъ въ Россію, передать ей совершенный законъ — явился онъ во всемъ подражателемъ Израильскаго законодателя. Какъ тотъ, придя съ заповѣдями

ко Израилю, явилъ на себѣ солнечные лучи и потому возложилъ на лицо свое покрывало: такъ и этотъ преподобный, нашъ русскій законодавецъ, просвѣтился добрыми дѣлами, подобно свѣтозарному солнцу, какъ и называетъ его Церковь, почему и поселился онъ въ пещерѣ, какъ бы возлагая на лицо свое покровъ. Но, какъ облако, покрывшее солнце, не можетъ утаить его лучей и затмить дня, такъ и пещера не могла утаить принесеннаго преподобнымъ отцомъ нашимъ Антоніемъ закона, о которомъ говоритъ онъ, вмѣстѣ съ пророкомъ, какъ о путеводномъ лучѣ своемъ: «законъ Твой — свѣтильникъ ногамъ моимъ и свѣтъ стезямъ моимъ!»

Подобно солнцу, просвѣтилъ преподобный законодавецъ нашу Россійскую землю совершеннымъ иноческимъ закономъ, сіяющимъ въ пещерѣ добрыми дѣлами, какъ свѣтомъ, свѣтящимъ и во тьмѣ, и устроилъ ей благопріятный день спасенія, въ которомъ стали ходить тѣ сыны Россіи, принявшіе благочинный иноческій образъ, вопія съ апостоломъ: «Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія!» И, какъ весь кругъ земной, закрывъ лицо солнцу, не можетъ препятствовать ему бросать свѣтъ на властвующія въ ночи свѣтила — луну и звѣзды, такъ и преподобный отецъ нашъ Антоній, покрытый пещерной землею, какъ мысленное

солнце, — невозбранно озарилъ въ Россіи своимъ свѣтомъ мысленныя свѣтила, помогающія намъ въ ночи нашего нерадѣнія о спасеніи.

Изъ нихъ сіяющаго ярче всѣхъ, преподобнаго Θεодосія Печерскаго — называетъ Церковь Россійская звѣздою, не простою, но такою, что она является вождемъ прочимъ звѣздамъ, то-есть луною. (Подобно тому, семь первыхъ свѣтилъ небесныхъ, имѣющія собственное движеніе и называемыя планетами, — въ числѣ ихъ не только луна, но и солнце называются у учителей церковныхъ семью звѣздами, содержимыми въ десницѣ Господней). Прочіе же безчисленные Печерскіе святые, которые въ законѣ, принесенномъ отъ преподобнаго Антонія, послѣдовали уставу преп. Θεодосія, просіяли какъ чистыя звѣзды, умноженныя на тверди небесной. И вотъ почему неложно святая чудотворная Печерская Лавра явилась небесамъ подобною.

Итакъ, вмѣстѣ съ преп. Несторомъ, лѣтописцемъ Россійскимъ, просіявшимъ въ то же время, начнемъ сказывать повѣсть о первомъ великомъ свѣтильникѣ сего Россійскаго неба.

Въ княженіи благовѣрнаго великаго князя Владиміра Святославича, самодержца Россійской земли, благоволилъ Богъ явить свѣтильника Церкви Своей и наставника

иночествующимъ, приснопамятнаго мужа, преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Антонія.

Онъ родился въ городъ Любечъ, съ дѣтства имѣлъ въ душѣ страхъ Божій и желалъ облечься въ иноческій образъ. Человѣколюбивый Господь положилъ ему на сердце идти въ страну Греческую и тамъ постричься. И онъ отправился въ путь, странствуя ради странствовавшаго и потрудившагося для нашего спасенія Господа, достигъ Цареграда, а за нимъ и Аѳонской горы. Тамъ обошелъ онъ святыя монастыри и видѣлъ бытъ святыхъ отцовъ, выше человѣческаго естества, во плоти подражающихъ ангельскому житію. И еще болѣе воспламенившись любовью ко Христу, желая поревновать житію тѣхъ отцовъ, пришелъ онъ въ одинъ изъ находящихся тамъ монастырей и молилъ игумена возложить на него образъ иноческаго чина. Игумень, провидя будущія его добродѣтели, исполнилъ просьбу, постригъ его и научилъ его совершенному иноческому житію. Антоній же, угождая во всемъ Богу, подвизался и въ прочихъ добродѣтеляхъ, преуспѣвая въ покорности и послушаніи, такъ что всѣ радовались за него.

Когда уже не мало времени провелъ онъ на Святой горѣ, будучи праведенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, такъ что многіе отъ него духовно

пользовались: было извѣщеніе отъ Бога игумену, отпустить преподобнаго въ Россію. Игуменьъ пригласилъ его и сказалъ: «Антоній, иди назадъ въ Россію, чтобъ и тамъ быть на пользу и утвержденіе другихъ, и да будетъ на тебѣ благословеніе Святой горы». — Преп. Антоній, принявъ благословеніе, какъ бы изъ Божьихъ устъ, отправился въ Россію и пришелъ въ городъ Кіевъ. Войдя въ Кіевъ, онъ думалъ, гдѣ бы ему жить, и ходилъ по монастырямъ (которые начинали тогда строиться иноками, изъ грековъ, пришедшими для крещенія Руси съ митрополитомъ Михаиломъ, но не имѣли совершеннаго чина и устава общежительнаго). И не захотѣлъ онъ жить ни въ одномъ изъ этихъ монастырей, такъ какъ неудобно было то и Богу. И началъ онъ ходить по дебрямъ и горамъ и окрестностямъ, и пришелъ въ Берестово, открылъ пещеру, которую нѣкогда ископали Варяги, сотворилъ молитву, поселился тамъ и пребывалъ въ великомъ воздержаніи.

Когда преставился боговѣрный князь Владиміръ, власть перешла къ безбожному и окаянному Святополку, онъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и, начавъ убивать братію свою, умертвилъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Видя такое кровопролитіе, преп Антоній снова ушелъ на Святую гору.

Святополка побѣдилъ и сѣлъ княжить въ Кіевѣ благовѣрный князь Ярославъ. Онъ любилъ село Берестово и Берестовскую церковь во имя святыхъ апостоловъ, и собиралъ около себя пресвитеровъ. Былъ тамъ пресвитеръ именемъ Иларіонъ, мужъ благочестивый, разумѣвшій Божественное писаніе, и постникъ. (Онъ чрезъ много лѣтъ соборомъ русскихъ епископовъ и по желанію князя Ярослава изволеніемъ Божиимъ, поставленъ былъ во св. Софійской церкви митрополитомъ, но прежде того былъ постриженъ въ иноческій чинъ преподобнымъ Антоніемъ). Этотъ пресвитеръ ходилъ отъ Берестова къ Днѣпру, на холмъ, гдѣ теперь мѣсто первоначальнаго Печерскаго монастыря; тогда былъ тамъ густой лѣсъ. Иларіонъ ископалъ себѣ малую пещеру, сажени въ двѣ, и въ ней совершалъ псалмопѣніе съ поклонами, молясь тайно Богу, а преп. Антоній находился въ то время на Святой горѣ, въ монастырѣ, гдѣ постригся. И было снова игумену извѣщеніе отъ Бога: «Пошли снова Антонія въ Россію: онъ Мнѣ нуженъ тамъ». Игумень, позвавъ къ себѣ преподобнаго, сказалъ ему: «Антоній, — Божья воля, чтобъ ты шелъ опять въ Россію, и да будетъ надъ тобою благословеніе отъ Святой горы» — и предрекъ игумень, что много отъ него

произойдетъ черноризцевъ — и, благословивъ его, отпустилъ его со словами: «Иди съ миромъ».

Преп. Антоній, принявъ благословеніе, прибылъ снова въ Кіевъ и взошелъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ ископалъ малую двухсаженную пещеру, и, возлюбивъ то мѣсто, такъ помолился со слезами: «Господи, да будетъ на мѣстѣ этомъ благословеніе святой Аѳонской горы и молитва моего старца, который меня постригъ, и утверди, Господи, жительство мое здѣсь».

Послѣ этой молитвы, поселился тамъ Антоній и началъ жить, постоянно моясь Богу, ѣлъ онъ сухой хлѣбъ и пилъ воду въ мѣру — и то чрезъ день, а иногда чрезъ два; иногда же не вкушалъ цѣлую недѣлю, пребывалъ въ бодрствованіи день и ночь и копалъ своими руками бѣольшую противъ прежней пещеру.

О немъ стали узнавать люди, и нѣкоторые приходили, принося ему нужные припасы и прося благословенія отъ него; другіе же желали и жить съ нимъ; въ числѣ ихъ былъ и блаженный Никонъ.

Тогда же пришелъ къ преподобному Антонию въ пещеру и преп. Θεодосій, двадцати трехъ лѣтъ возрастомъ; и преп. Антоній приказалъ постричь его блаженному Никону, такъ какъ тотъ былъ іерей и искусный инокъ.

По долгомъ княженіи преставился благовѣрный князь Ярославъ, и власть принялъ старшій его сынъ Изяславъ и сѣлъ княжить въ Кіевѣ. А преп. Антоній былъ уже тогда извѣстенъ по Россійской землѣ великими добродѣтелями своими, какъ въ древности въ Египтѣ великій Антоній. Слышавъ о житіи его, христоробивый князь Изяславъ пришелъ къ нему съ дружиною своею, прося у него благословенія и молитвы, — и съ тѣхъ поръ всѣ уже узнали о преп. Антоніи и стали почитать его, и нѣкоторые христоробцы стали приходять къ нему для постриженія, и онъ принималъ ихъ и постригалъ.

Въ то время пришелъ къ преподобному Антонію блаженный Варлаамъ, сынъ знатнаго боярина Іоанна, потомъ Ефремъ, слуга княжескій, которыхъ, по ихъ желанію, преподобный велѣлъ постричь Никону. Много смущенія потерпѣлъ преп. Антоній съ братією за постриженіе этихъ двухъ иноковъ. Знатный бояринъ Іоаннъ, со множествомъ слугъ, въ ярости пришелъ въ пещеру и, разогнавъ Богоизбранное стадо преп. Антонія, вывелъ сына своего блаженнаго Варлаама изъ пещеры, снялъ съ него святыя монашескія одежды, облекъ въ свѣтлое боярское платье и насильно повлекъ его въ свои палаты. Но, кромѣ того, еще и самъ князь Изяславъ, узнавъ о постриженіи и

сына боярина и своего любимого слуги — разгнѣвался на братію Христову, собранную преп. Антоніемъ, и, приказавъ привести къ себѣ постригавшаго ихъ блаженнаго Никона, излилъ на него гнѣвъ свой за постриженіе ихъ, требуя, чтобъ Никонъ уговорилъ ихъ опять жить въ міру, и угрожалъ послать его наставника Антонія со всѣми пещерными иноками въ заточеніе и раскопать ихъ пещеру.

Преп. же отецъ Антоній, понуждаемый такимъ гнѣвомъ, внушеннымъ княземъ тьмы, ушелъ тогда изъ пещеръ съ оставшеюся братією въ другія мѣста.

Но, узнавъ о томъ, жена князя усиленно просила супруга не изгонять изъ своей области рабовъ Божіихъ, чтобъ не навлечь такого же гнѣва Божія, какой былъ въ ея отечествѣ, землѣ польской, по изгнаніи черноризцевъ.

(Княгиня эта была полька, дочь Болеслава Храбраго — и она вспомнила о томъ гнѣвѣ Божіемъ, который разразился, когда изгнаны были черноризцы, въ видѣ мести за постриженіе преподобнаго Моисея Утрина; тогда отецъ ея, Болеславъ, изгнавшій тѣхъ рабовъ Божіихъ, умеръ внезапною смертию, и, во время междоусобной брани, народъ убилъ епископовъ и бояръ).

Едва умолила княгиня князя Изяслава, но, опомнясь и устрашась Бога, онъ послалъ къ преподобному просьбу, чтобъ возвратился старецъ на свое мѣсто. Едва на третій день нашли его и умолили вернуться.

Такъ возвратился преподобный отецъ нашъ Антоній въ пещеру и непрестанно молился Богу, да подасть ему силу терпѣть доблестно всѣ напасти, наносимыя врагомъ, ненавистникомъ добра, и да не предасть звѣрямъ духовнымъ душъ исповѣдающихся ему и да не забудеть до конца убогихъ своихъ. И, по молитвамъ его, не только разсѣяныя овцы возвратились съ миромъ къ своему пастырю, но и множество другихъ, ищущихъ спасенія, приходило къ нему въ пещеру и умоляло, избавить ихъ отъ тьмы пути скользкаго и наставить ко свѣту пути спасенія. И онъ всѣхъ принималъ съ любовью, и, научивъ, какъ слѣдовать Христу, приказывалъ постригать ихъ блаженному Никону. И собралась къ нему братія числомъ двѣнадцать. И выкопали они большую пещеру, гдѣ устроили церковь и келіи [1], существующія понынѣ въ пещерахъ подъ первоначальнымъ Печерскимъ монастыремъ; тамъ прожилъ преп. Антоній 40 лѣтъ.

Когда братія была собрана, преп. отецъ Антоній сказалъ: «Вотъ, братіе, Господь избралъ

васъ, и на васъ благодать Святой горы, съ которою постригъ меня игумень, а я постригъ васъ; да будетъ на васъ благословеніе — прежде всего отъ Бога и Пресвятой Богородицы, второе же благословеніе — отъ Святой горы». Затѣмъ онъ сказалъ имъ: «Живите сами безъ меня; я поставлю вамъ игумена, а самъ хочу жить одинъ, какъ привыкъ къ тому прежде». И онъ поставилъ имъ игуменомъ блаженнаго Варлаама, а самъ, избѣгая молвы и суеты житейской, затворился въ одной изъ келій той же пещеры. Потомъ переселился онъ оттуда на другой холмъ и началъ копать другую пещеру, находящуюся подъ нынѣшнимъ Печерскимъ великимъ монастыремъ.

Игумень же блаженный Варлаамъ и братія, принявъ отъ преп. Антонія благословеніе, остались жить въ первой пещерѣ. При умноженіи братіи, такъ какъ уже нельзя было имъ во время соборнаго служенія вмѣститься въ пещерахъ, задумали они поставить малую церковь внѣ пещеры. Тогда пришелъ игумень съ братією къ преп. Антонію въ другую пещеру и сказали ему: «Отче, братія умножается, и не можемъ мы болѣе вмѣститься во время соборной молитвы въ пещерѣ; итакъ, повелѣніемъ Господнимъ и Пресвятой Богородицы и святою твоею молитвою благослови поставить намъ

малую церковь внѣ пещеры». И благословилъ ихъ на это дѣло преподобный; они, поклонясь ему въ ноги, ушли и начали строить надъ пещерою малую церковь Успенія Пресвятой Богородицы.

Когда эта малая церковь надъ пещерою была устроена и игуменомъ въ пещерахъ былъ блаженный Варлаамъ, князь Изяславъ, который былъ наречень въ св. крещеніи Димитріемъ, воздвигъ церковь каменную во имя того святого, устроилъ при ней монастырь и взялъ туда на игуменство блаженнаго Варлаама, ибо хотѣлъ возвысить свой монастырь выше Печерскаго, надѣясь на силу богатства. Но много бываетъ монастырей, поставленныхъ богатствомъ, чрезъ князей и бояръ, но не таковъ удѣлъ ихъ, какъ удѣлъ монастырей, поставленныхъ молитвами и слезами, постомъ и бдѣніемъ святыхъ. Такъ, и преп. Антоній не имѣлъ ни золота, ни серебра, но, поливая слезами, возрастилъ несравненный монастырь.

Когда игумень Варлаамъ отошелъ въ монастырь святого великомученика Димитрія изъ начальнаго Печерскаго монастыря, братія, подвижавшаяся въ пещерахъ, пришли къ преп. Антонію и сказали ему: «Отче, поставь намъ игумена!» «Кого хотите вы?» спросилъ онъ ихъ. — «Кого хочетъ Богъ и Пресвятая Богородица и ты, честный отче!» И сказалъ имъ преподобный: «Кто

изъ васъ послушливъ, кротокъ и смиренъ, тотъ да будетъ вамъ игуменомъ». Тогда просили у него во игумена преп. Θεодосія, какъ единоправнаго ему и во всемъ опытнаго. И благословилъ его преподобный на игуменство. Вся же братія, коей числомъ было двадцать, поклонилась преп. Антонію до земли, радуясь о такомъ наставникѣ.

Когда же преп. Θεодосій принялъ игуменство надъ пещерами и въ великомъ тщаніи, съ постомъ и слезными молитвами исполнялъ свое дѣло, много тогда споспѣшествовало благословеніе и молитва начальника его, преп. отца нашего Антонія, безмолвствовавшего въ уединеніи. Богъ началъ еще больше умножать число черноризцевъ, такъ что вскорѣ при преп. Θεодосіи собралось ихъ сто. И преп. Θεодосій игумень, видя великое умноженіе братіи, порѣшилъ съ ними поставить монастырь, и снова пошли они къ преп. Антонію и сказали ему: «Отче, умножается братія, и мы бы хотѣли поставить монастырь». Радостью исполнился преп. Антоній и сказалъ: «Благословенъ Богъ за все. Молитва Пресвятой Богородицы и угодниковъ Святой Горы да будетъ съ вами и да поможетъ вамъ!» Онъ послалъ тогда одного изъ иноковъ ко князю Изяславу съ такими словами: «Христолюбивый

князь, Богъ умножаетъ братію, мѣсто же наше тѣсно. Просимъ тебя — дай намъ ту гору, что надъ пещерою!»

Услышавъ это, князь обрадовался и послалъ боярина своего отвести имъ находящуюся надъ пещерою гору. На ней преп. игумень Θεодосій и братія построили большую деревянную церковь и, построивъ, украсили ее иконами и поставили много келій и окружили монастырь, куда переселились изъ пещеръ, оградою, — и съ тѣхъ поръ монастырь этотъ, возникшій по благословенію Святой Горы, началъ зваться Печерскимъ, потому что прежде черноризцы жили въ пещерахъ.

Затѣмъ преп. Θεодосій пожелалъ укрѣпить монастырь свой, кромѣ видимой стѣны еще мысленнымъ огражденіемъ, т.-е. уставомъ для иночествующихъ не въ затворѣ, а въ монастырѣ. И началъ онъ искать монастырскаго правила (какъ пишется о томъ въ житіи его) — и помощью ему было благословеніе и молитва преп. Антонія. Ибо, по его благословенію и молитвѣ и по Божію Промыслу, нашелся тогда честный Михаилъ, инокъ святого Студійскаго монастыря, съ митрополитомъ Георгіемъ пришедшій изъ Греціи. Его много вопрошалъ преп. игумень Θεодосій объ уставѣ отцовъ Студійскихъ, какъ у нихъ поютъ, и какъ ведется

чтеніе, и какъ содержать поклоны, и стояніе въ церкви, и трапезу, и какая въ какіе дни пища. Подробно узнавъ все это отъ Михаила, а также отъ блаженнаго Ефрема, бывшаго въ святыхъ мѣстахъ, онъ собралъ вмѣстѣ и списанныя тамъ и принесенныя изустно въ Кіевъ правила и передалъ своему монастырю, и отъ этого монастыря всѣ русскіе монастыри получили уставъ. И оттого почтенъ монастырь Печерскій первенствомъ предо всѣми и честію выше всѣхъ.

Такъ помогли Θεодосію игумену Печерскому благословеніе и молитва преп. отца нашего Антонія. Въ это время жизни преп. Θεодосія и управленія его по уставу добродѣтельнымъ житіемъ иноковъ пришелъ къ нему принимавшему всѣхъ приходящихъ, преп. отецъ Несторъ, лѣтописецъ Россійскій, составитель и этого и другихъ житій; въ то время преп. Нестору было семнадцать лѣтъ, какъ онъ самъ пишетъ о себѣ. Его съ любовью принялъ преп. Θεодосій, по благословенію и молитвѣ преп. Антонія. Онъ первый засвидѣтельствовалъ, отчего монастырь прозвался Печерскимъ, и въ лѣтописи своей вкратцѣ написалъ на пользу о первыхъ подвигахъ первоначальника монастыря, преп. отца Антонія. Но о чудесахъ, хотя и не всѣхъ, напримѣръ, о честной кончинѣ преподобнаго, мы будемъ повѣствовать со словъ

блаженнаго епископа Симона и сотрудника его Поликарпа; свидѣтельство же подвиговъ и скорбей, которыя претерпѣлъ преп. Антоній, предоставимъ Нестору лѣтописцу.

Преп. отецъ нашъ Антоній, уединенный въ другой пещерѣ, видя умноженіе и благочиніе своего избраннаго Богомъ стада, — прославлялъ Бога въ добродѣтеляхъ внѣшнихъ и духовныхъ, и шель изъ силы въ силу. Поэтому Богъ прославилъ его такъ, что онъ просіялъ въ Русской землѣ различными чудесами, особенно же даромъ исцѣленія и пророчества. Преп. отецъ Антоній явился чудеснымъ врачомъ и Россійскимъ пророкомъ. Чудотворное же врачеваніе его происходило такъ: преподобный старецъ самъ служилъ болящимъ и исцѣлялъ ихъ своею молитвою; но, покрывая смиренномудріемъ даръ исцѣленій, заключавшійся въ его молитвѣ, — онъ то зеліе, которымъ питался, благословлялъ и подавалъ какъ лѣкарство, и больные, принявъ его, какимъ бы недугомъ одержимы ни были, становились здоровы. Подражателемъ такого своего чудотворнаго врачеванія онъ оставилъ блаженнаго Агапита. О дарѣ же прозорливости, кромѣ другихъ случаевъ, свидѣтельствуешь слѣдующій.

Однажды трое князей Ярославичей, Изяславъ князь Кіевскій, Святославъ Черниговскій и Всеволодъ Переяславскій, отправляясь въ походъ противъ Половцевъ, пришли за благословеніемъ къ преп. Антонію. Онъ же, провидя духомъ надъ ними гнѣвъ Божій, прослезился и сказалъ имъ: «Ради вашихъ грѣховъ вы будете побѣждены и обращены въ бѣгство невѣрными; многіе изъ воиновъ вашихъ потонутъ въ рѣкѣ, другіе будутъ взяты въ плѣнъ, нѣкоторые падутъ отъ меча». Это и сбылось на рѣкѣ Альтѣ, такъ что едва сами князья спасли свою жизнь и бѣжали, — Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ; половцы же разсѣялись по всей Русской землѣ, грабили и уводили въ плѣнъ жителей.

Въ то же время преподобный предсказалъ Шимону, сыну африканскаго князя, что онъ не только уцѣлѣетъ въ битвѣ отъ смерти, уже лежа среди труповъ, но чрезъ много лѣтъ будетъ первый положенъ въ каменной Печерской церкви, о чудесномъ созданіи которой преподобный тоже предсказалъ, — и все это во-истину сбылось, и Шимонъ, возвратясь съ похода, повѣдалъ преподобному: «Я лежалъ раненый среди многихъ убитыхъ, но нѣкая Божія сила вынесла меня изъ ихъ среды и

исцѣлила мои раны, и я нашелъ свое имущество и воиновъ».

Потомъ разсказалъ Шимонъ, что подобіе Печерской церкви, которая будетъ создана и въ которой онъ будетъ положенъ, видѣлъ онъ на воздухѣ дважды, лежа на полѣ битвы у рѣки Альты и еще, находясь на морѣ, когда изгнанный дядею своимъ Якуномъ, отъ варяжскаго княженія, бѣжалъ въ Россію къ князю Ярославу. Повѣдавъ все это, Шимонъ удостовѣрилъ на дѣлѣ благословеніе Божіе, явленное ему въ откровеніи о церкви, о которой пророчествовалъ преп. Антоній. Онъ вынесъ золотой поясъ и вѣнецъ и далъ преп. Антонию со словами: «Это снялъ я съ образа Іисуса, распятаго на крестѣ, когда покидалъ мое отечество, такъ какъ здѣсь я буду лежать, то этимъ поясомъ, какъ повелѣлъ мнѣ гласъ Господень, пусть измѣрится основаніе церкви, въ которой я буду положенъ; вѣнецъ же пусть будетъ повѣшенъ надъ жертвенникомъ». И потомъ чрезъ много лѣтъ явно оказалось, что предсказаніе преп. отца Антонія, которое и сбылось, — согласовалось съ Божіимъ благословеніемъ, когда, по созданіи Печерской церкви, первымъ положенъ въ ней былъ Шимонъ.

Но прежде вспомнимъ, по лѣтописцу, о немалой напасти, которую претерпѣлъ преподобный. Князь тьмы, діаволь, ненавидящій свѣта дѣлъ добрыхъ, снова покусился чрезъ князя Изяслава удалить изъ стольнаго города Кіева такого великаго свѣтильнилька, преп. отца нашего Антонія, свѣтящаго добродѣтелями и чудесами въ темной пещерѣ, какъ подъ спудомъ, — и устроилъ такое смущеніе.

Когда половцы побѣдили въ упомянутой битвѣ, кіевскіе граждане понуждали своего князя Изяслава выйти съ ними снова на этихъ враговъ, разсѣявшихся по всей землѣ Русской. Когда же Изяславъ не согласился, они произвели возмущеніе, освободили изъ темницы находившагося въ Кіевѣ въ плѣну полоцкаго князя Всеслава и поставили его себѣ княземъ кіевскимъ, а князь Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Семь мясцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда пришелъ на него изъ Польши Изяславъ, съ королемъ Болеславомъ Смѣлымъ. Всеславъ же, выйдя изъ города съ другой стороны, тайно бѣжалъ къ Полоцку. Тогда Изяславъ вошелъ въ Кіевъ и, по наущенію діавола, началъ жестоко гнѣваться на преп. Антонія: кто-то оклеветалъ его предъ Изяславомъ, будто онъ любилъ Всеслава и былъ его совѣтникомъ, а потому былъ виновникомъ всей этой смуты.

А преп. Антоній служилъ въ то время въ пещерѣ болящему Исаакію затворнику, котораго діаволъ прельстилъ, явившись ему въ образѣ Христа, и оставилъ едва живымъ, изнуривъ его плясаніемъ. Врагъ особенно завидовалъ этому служенію святого и старался, чтобъ Исаакій затворникъ не былъ быстро исцѣленъ душевно и тѣлесно попеченіемъ преподобнаго. И потому онъ всячески побуждалъ Изяслава изгнать гнѣвомъ своимъ преп. Антонія отъ предѣловъ Кіевскихъ. И на нѣкоторое время врагъ получилъ желаемое. Князь Черниговскій Святославъ, извѣщенный, что братъ его Изяславъ жестоко гнѣвается на преп. Антонія, прислалъ за святымъ ночью и увезъ его въ Черниговъ. Тамъ понравилось преподобному мѣсто близъ города на горѣ Болдыни, и, ископавъ тамъ пещеру, онъ жилъ въ ней. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ созданъ монастырь.

Но недолго ликовалъ ненавистникъ добра. Ибо вскорѣ князь Изяславъ, спокойно разсмотрѣвъ дѣла, позналъ незлобіе святого, увидѣлъ козни искушителя и, жалѣя о сдѣланномъ, послалъ въ удѣлъ Святослава, область Черниговскую, къ преп. Антонію, съ просьбою возвратиться въ его Кіевскую область обратно, къ Богоизбранному его стаду. И преп. Антоній, кроткій и смиренный сердцемъ, преклонился къ мольбѣ и возвратился

къ своей братіи, которая находилась въ смятеніи и отверженіи, какъ овцы не имѣющія пастыря. Такъ не восхотѣлъ Богъ, чтобы этотъ всесвѣтлый свѣтильникъ, русское свѣтозарное солнце, преп. отецъ нашъ Антоній, положилъ начало благочиннаго иноческаго житія въ иномъ городѣ, кромѣ богоспасаемаго стольнаго города Кіева, чтобъ, откуда возсіялъ свѣтъ православной вѣры чрезъ благовѣрнаго князя Владиміра на всю Русь, оттуда же возсіяли и лучи совершеннаго постническаго закона чрезъ преподобнаго отца нашего Антонія.

И послѣ этой напасти не изнемогъ преп. отецъ нашъ Антоній, но, проходя степени бѣльшихъ подвиговъ, трудился въ пещерѣ, доколѣ не побѣдилъ до конца некрѣпкую силу діавола. Изгоняя, по евангельскому реченію, молитвою и постомъ нечистый родъ этотъ также и другими добродѣтельными трудами, бдѣніемъ, стояніемъ, коленнопреклоненіемъ безчисленнымъ, — никогда, кромѣ того, не оставлялъ онъ своей пещеры, хотя вся жизнь его въ этомъ темномъ мѣстѣ была непрестанная брань съ міродержцемъ тьмы вѣка сего.

И снова потекли отъ преподобнаго прежніе его чудотворенія, но съ бѣльшею силою. Онъ началъ имѣть великую заботу о созданіи каменной Печерской церкви, о которой предсказалъ и о

которой принялъ чрезъ Шимона свидѣтельство Божія благословенія. И, по совѣщаніи съ преп. игуменомъ Θεодосіемъ, онъ молился прилежно небесному Зодчему, чтобъ Онъ Самъ непорочными Своими руками благословилъ и помогъ создать Домъ Непорочной Матери Своей, Владычицъ нашей Богородицъ; и говорилъ онъ, подражая Давиду: «Если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строящіе его» (Пс. 126, 1).

И вотъ, когда, не отлучаясь никуда изъ Печерскаго монастыря, святой подвизался въ такой молитвѣ: какъ нѣкогда преславный чудотворецъ Николай Мирликійскій, явился онъ съ единомравнымъ другомъ своимъ преп. Θεодосіемъ, въ Константинополь, предстая Царицъ Небесной Пресвятой Богородицъ, и получивъ отъ Нея золото, вручилъ его художникамъ каменнозодчимъ, чтобъ шли они въ Россію, для построенія Печерской церкви, по повелѣнію Небесной Царицы.

И каменноздатели пришли изъ Греціи и повѣдали то великое чудо, а преп. отецъ нашъ Антоній сотворилъ новыя великія чудеса, свойственныя древнимъ пророкамъ Гедеону и Иліи. Когда мастера стали спрашивать, на какомъ мѣстѣ воздвигать по повелѣнію Царицы Небесной церковь, преп. отецъ нашъ Антоній

молился три дня, чтобы Самъ Трїединый Богъ указалъ небеснымъ знаменїемъ мѣсто, достойное для жилища Царицы Небесный. И, такъ какъ мѣста не было достаточно, прїѣхалъ, какъ бы по внушенію Божію, князь Святославъ къ инокамъ, собравшимся для избранія мѣста, и даровалъ на то свое поле.

Въ первую ночь молитвы преп. Антонія явился ему Царь Славы Іисусъ Христосъ и сказалъ: «Антоній, ты обрѣлъ предо Мною благодать». И, услышавъ то, преп. Антоній испросилъ въ ту ночь, чтобъ по всей землѣ поутру была роса, а на мѣстѣ церкви — въ видѣ знаменія — было сухо. Въ другую же ночь испросилъ повсюду сухость, а на мѣстѣ церкви — росу. Въ третій же день благословилъ то мѣсто и повелѣлъ размѣрить его золотымъ поясомъ, даннымъ Шимономъ, — на тридцать поясовъ въ длину и двадцать въ ширину, какъ было повелѣно Симону свыше, и свелъ молитвою своею огонь съ неба. Такъ что чрезъ сожженіе стоявшихъ на томъ мѣстѣ деревъ и чрезъ углубленіе грунта достаточно приготовилъ то мѣсто, гдѣ нынѣ сіяетъ святая чудотворная небеси-подобная Печерская церковь, — о чемъ и написано въ сказаніи о той святой церкви.

Благословивъ такимъ чудотвореніемъ и выборъ мѣста и начало работъ церковныхъ во

святой Печерской обители, преп. Антоній сталъ приготовляться самъ къ отшествію въ Церковь нерукотворенную, вѣчную, въ небесныхъ обителяхъ, о которой святой Іоаннъ написалъ въ Откровеніи: «Господь Богъ Вседержитель — храмъ его» (Откр. 21, 22). Такъ назначила Небесная Царица при явленіи Своемъ во Влахернѣ, говоря мастерамъ: «Сей Антоній только благословить васъ на дѣло, ибо отходить въ вѣчный покой? Θεодосій же послѣдуетъ за нимъ на второй годъ». Но въ какомъ приготовленіи имѣлъ нужду для честной смерти въ Господѣ преп. отецъ нашъ Антоній, который, проводя добродѣтельную жизнь въ пещерѣ, какъ въ вѣчномъ гробѣ, могъ сказать съ апостоломъ: «Я каждый день умираю» (1 Кор. 15, 31). Также каждый день, неложными устами, онъ говорилъ съ пророкомъ: «Уготовахся и не смутихся сохранить заповѣди Твоя».

Уже готовый, въ сердцѣ своемъ, къ смерти и не смущаясь уже о дѣлахъ своихъ, былъ только смущенъ онъ тѣмъ, чтобъ не оставить въ уныніи Богоизбранное свое стадо? такъ что надъ преподобнымъ исполнилось слово апостольское: «Влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнѣе для васъ» (Флп. 1, 24).

Но видя, что время разрѣшенія и отдѣленія души отъ тѣла уже приспѣло, онъ утѣшалъ чадъ своихъ, обѣщая имъ, что и по отшествіи своемъ не оставитъ того святого мѣста, на которомъ подвижался; но будетъ всегда надзирать за нимъ и посѣщать, заботясь о немъ и помогая живуцимъ въ немъ и притекающимъ къ нему съ вѣрою. И вотъ какое благонадежное обѣщаніе, высшее всякаго наслѣдія, оставилъ онъ на святомъ мѣстѣ своемъ. Онъ обѣщаль молитвами своими ходатайствовать, чтобъ, какъ онъ самъ, умирая на этомъ мѣстѣ, разстается съ жизнью, полный чувствъ покаянія, съ несомнѣнною вѣрою о помилованіи: чтобъ такъ-же сподобились и всѣ, упокоивающіеся тутъ, имѣющіе къ нему любовь — отходить въ покаяніи и получить помилованіе.

Пробывъ во второй пещерѣ своей 16 лѣтъ, онъ окончилъ въ ней свое временное житіе и отошелъ къ безконечному, въ десятый день мѣсяца іюля, въ годъ отъ созданія міра 6581, отъ Рождества Христова 1073, на 90 году своего рожденія, въ княженіе Святослава Ярославича князя Кіевскаго и въ царствованіе Романа Діогена царя Греческаго. Честныя мощи этого преподобнаго первоначальника были тогда же положены въ той же пещерѣ подъ великимъ монастыремъ, въ которой онъ скончался. И,

подобно тому, какъ при жизни своей самъ преподобный удалялся отъ глазъ человѣческихъ, молясь Богу въ тайнѣ и въ уединеніи, такъ и мощамъ своимъ испросилъ то же дарованіе, чтобъ были удалены отъ глазъ человѣческихъ. Ибо подобало нашему Россійскому законодателю сподобиться равнаго дарованія съ Израильскимъ. Нѣкогда еще при жизни Моисея, когда онъ принесъ съ горы Синайской законъ Израилю, во свѣтѣ великаго сіянія, народъ не могъ смотрѣть на него при жизни его; такъ не могли видѣть и преп. отца нашего Антонія, еще живущаго въ пещерѣ, во свѣтѣ добрыхъ дѣлъ его, когда принесъ онъ законъ Русской землѣ съ горы Аѳонской. Сокрыты отъ зрѣнія мощи почившаго Моисея, Израильскаго законодавца, — такъ же скрыты отъ зрѣнія и мощи преп. отца нашего Антонія, Русскаго законодавца, и видѣть ихъ намъ доселѣ чудесно возбраняетъ Богъ, дивный во святыхъ Своихъ. Ибо многіе дерзнувшіе раскопать мѣсто, на которомъ положено честное тѣло преп. отца нашего Антонія, были наказаны огненнымъ попаленіемъ и болѣзнями тѣлесными, пока не каялись въ своемъ дерзновеніи. Но если отъ зрѣнія нашего удалены мощи преп. отца нашего Антонія, то помощь его всегда съ нами и близка ко всѣмъ призывающимъ его. Онѣ творять неизсякающія чудеса, помогая всѣмъ съ

вѣроу притекающимъ къ честному гробу преподобнаго. Особенно же отгоняють отъ людей тьму бѣсовскую, и во истину свѣтъ свѣтится и во тьмѣ темной гробницы преподобнаго, и этого свѣта никогда не погаситъ тьма, но исчезаетъ отъ блистанія его.

Честныя мощи преп. отца нашего Антонія избавляютъ и отъ различныхъ недуговъ, поражающихъ не только тѣло, но и самую душу, какъ то испыталъ на себѣ святой Іоаннъ Многострадальный.

Три года борясь съ бездною нечистоты, много пострадавъ, томимый поползновеніемъ ко грѣху, — пришелъ онъ ко гробу преп. Антонія и молился предъ нимъ день и ночь, и онъ услышалъ голосъ преподобнаго: «Іоаннъ, Іоаннъ, тебѣ надо затвориться здѣсь въ пещерѣ, чтобъ молчаніемъ и невидѣніемъ людей утихла брань, и Господь поможетъ тебѣ». Іоаннъ сдѣлалъ такъ, и благодатью Божіею и молитвами преп. Антонія былъ спасенъ, и не побѣдили его нечистыя тѣлесныя страсти, хотя и вооружались на него, вмѣстѣ съ нечистыми духами, почти въ продолженіе тридцати лѣтъ, какъ пишется въ житіи его.

Не оставилъ, по обѣщанію своему, преп. Антоній своего святаго мѣста. И, заботясь о немъ, онъ, по кончинѣ своей, явился съ преп.

Θеодосіемъ (какъ явился при жизни) — въ Константинополѣ, гдѣ уговорился съ греческими иконописцами о написаніи святыхъ иконъ для церкви Печерской, и далъ имъ довольно золота, какъ и въ началѣ строителямъ — съ тѣмъ же преп. Θеодосіемъ; и послалъ онъ ихъ въ Кіевъ, въ свой Печерскій монастырь, къ блаженному Никону, который былъ тогда игуменомъ, какъ и описано въ сказаніи объ украшеніи святой Печерской церкви.

Вѣренъ преп. отецъ нашъ Антоній и въ томъ надежномъ обѣщаніи своемъ, по которому помогаетъ почитающимъ его, упокоеваясь на этомъ святомъ мѣстѣ, кончатся въ покаяніи и сподобляться помилованія.

Чудесно на дѣлѣ сбылось слово обѣщанія его на блаженномъ Еразмѣ, черноризцѣ Печерскомъ. Этотъ инокъ отдалъ золото свое на украшеніе церкви Печерской и скорбѣлъ о томъ. Когда же онъ впалъ въ лютую болѣзнь и былъ при кончинѣ, то лежалъ семь дней безъ чувствъ, не могъ скончаться безъ покаянія и быть погребеннымъ на томъ святомъ мѣстѣ. И вотъ, на восьмой день, явился ему преп. Антоній съ Θеодосіемъ и сказалъ: «Я молился о тебѣ Богу, и Богъ даровалъ тебѣ время покаянія». И Еразмъ выздоровѣлъ и принесъ совершенное покаяніе, такъ что, скончавшись чрезъ три дня, былъ

помилованъ и сподобился быть причтеннымъ ко святымъ (о чемъ написано въ житіи его).

Прославимъ и мы Вседарователя Человѣколюбца, за дарованіе столь великаго чудотворца, первоначальника иночествующихъ въ землѣ нашей Россійской, — преп. Антонія. Другихъ многочисленныхъ его дѣлъ, особенно же бывшихъ до преставленія его, ни одинъ человѣкъ не можетъ описать или повѣдать, и извѣстны они только Сердцевѣдцу, вѣдующему все безвѣстное и тайное. Его языкъ есть трость книжника скорописца, и Онъ пространнѣ всѣхъ написалъ житіе преп. отца нашего Антонія въ книгахъ жизни вѣчной.

Мы не нашли прочихъ книгъ о преп. Антоніи, утерянныхъ во многихъ браняхъ, а могли собрать только о немъ немногое. Надо намъ прилежно молить чудотворца сего первоначальника, чтобъ и мы, принятые въ благонадежное его обѣщаніе, по его ходатайству о насъ, сподобились скончать въ покаяніи жизнь нашу и быть помилованными, если и случится намъ быть виновными въ какомъ-нибудь грѣхопадении, сдѣланномъ по немощи человѣческой, и не совершить полного покаянія, чтобъ найти имена наши написанными въ книгахъ жизни вѣчной, вмѣстѣ съ преп. первоначальникомъ Антоніемъ, какъ дѣти съ

отцемъ, — благодатию и челоѡколюбіемъ первенствующаго во всемъ Начальника спасенія нашего, Господа Іисуса Христа, Которому со безначальнымъ Его Отцомъ и единосущнымъ Духомъ подобаеѡ честь, слава, хвала и держава, нынѡ и присно и въ безконечныя вѡки. Аминь.

Примѡчаніе:

[1] Нынѡ Ближнія пещеры.

Источникъ: Кіево-Печерскій патерикъ. Полное собраніе житій святыхъ въ Кіево-Печерской Лаврѡ подвижавшихся. (Составленъ тремя печерскими святыми: Несторомъ, лѡтописцемъ Печерскимъ, Симономъ, епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ, и Поликарпомъ, архимандритомъ Печерскимъ.) — *Изданіе второе, въ новомъ полномъ переводѡ Е. Поселянина.* — М.: Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина, 1900. — С. 23-43.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

Похвала преподобному и богоносному отцу нашему Антонію Печерскому, первоначальнику иноческаго житія въ Россіи.

«Преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ». — Такое слово предлагаетъ намъ царственный пророкъ на похвалу преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго, великаго и богатаго во всѣхъ добродѣтеляхъ.

Но, казалось бы, недостаточно здѣсь нашихъ устъ и нашего голоса. Обыкновенно, при похвалахъ выдающагося человека, спрашиваютъ: какого сана человекъ хвалящій, какого ума, какой жизни. Тотъ же обычай былъ еще въ древности, у язычниковъ; такъ, царь Александръ Македонскій завѣщаль никому не писать своего изображенія, кромѣ Апеллеса. Также и Августъ Кесарь великій запретилъ, чтобъ никто, кромѣ людей, одаренныхъ умомъ и искусныхъ, не смѣлъ говорить или писать о немъ. Ясно, что похвала, выходящая изъ устъ людей грѣшныхъ и неразумныхъ, имѣетъ мало

достоинствъ, по словамъ Екклесіаста: «Непріятна похвала въ устахъ грѣшника» (Сир. 15, 9). Какъ же мы, будучи грѣшны, грѣшными устами похвалимъ того, какъ прославимъ того, о которомъ можемъ сказать, что не было лести въ устахъ его! Какъ грѣшнымъ гласомъ достойно воспоемъ того, кто достоинъ быть воспѣтымъ голосами преподобныхъ.

Но знаемъ, что похвала каждаго святаго бываетъ похвалою Богу (какъ въ похвалѣ святому Аѳанасію написалъ святой Григорій Назіанзинъ: «Аѳанасія хваля, восхваляю добродѣтели; хваля же добродѣтели, восхваляю Бога, отъ Котораго истекають всѣ добродѣтели»). Нѣтъ лицепріятія у Бога (Рим. 2, 11). Поэтому мы, грѣшныя и неразумныя, дерзаемъ восхвалить своего преподобнаго, вспоминая его великія добродѣтели. Ибо Сирахъ говоритъ: «Восхвалимъ мужей славныхъ и отцовъ нашего рода» (Сир. 44, 1).

Если люди похваляютъ того святаго, кто прославилъ жизнь свою одною какою-нибудь добродѣтелью, выдѣляющеюся надъ прочими, по слову — «память праведника пребудеть благословенна» (Прит. 10, 7) — то, тѣмъ болѣе, особой похвалы отъ насъ достоинъ преподобный отецъ нашъ Антоній Печерскій, который

прославилъ себя на землѣ не единою, но всѣми добродѣтелями, украшающими инока.

Прежде всего прославилъ онъ себя любовію къ Богу. Отъ юности отвергся міра, богатства и славы и всего, что обѣщаль міръ, и посвятилъ себя на служеніе Богу иноческимъ житіемъ, говоря: «Сердце мое говоритъ отъ Тебя: ищите лица Моего, и я буду искать лица Твоего, Господи» (Псал. 26, 8). И зналъ онъ тогда, что иноческое житіе есть жизнь подвижническая, мірская же жизнь суетна, иноческая жизнь — преподобна, мірская же полна клеветъ; иноческая жизнь — духовна, мірская же — плотская. Иноческая жизнь — небесная, мірская — земная, какъ говорятъ учителя.

Иной въ юности старается угодить міру; стараніе же преп. отца нашего Антонія Печерскаго было въ томъ, чтобъ угодить единой Божіей любви, которую избралъ себѣ въ невѣсты, говоря: «Ее возлюбилъ, ее возжелалъ я отъ юности моей, и искалъ ее, какъ невѣсту себѣ, и чтилъ я красоту ея.

И кому было ему въ юности своей уневѣстить себя, какъ не любви Божіей, такъ какъ и самое имя города *Любича*, въ которомъ онъ родился и былъ воспитанъ, возбуждало къ любви. И гдѣ ему было искать невѣсты, какъ не на небѣ, такъ какъ самое имя его Антоній не земное, а

небесное, и значить «свыше данный». Если же преп. отецъ нашъ Антоній по имени и житію былъ не изъ земныхъ, но изъ небесныхъ, то какъ же не сказать намъ, что преподобенъ онъ есть въ любви Божіей?

Учители святыхъ Божіихъ уподобляютъ жемчужинамъ, по удаленію ихъ отъ міра, но мы уподобимъ преп. отца нашего Антонія жемчужинѣ не только за отверженіе міра, но и по имени его. Жемчугъ рождается въ морѣ, но имѣетъ много общаго съ небомъ, и служитъ подобіемъ его по бѣлизнѣ, свѣтлости и красотѣ состава своего, такъ что кажется совершенно небеснымъ. Такъ и преп. отецъ нашъ Антоній, хотя родился въ мірѣ, сердцемъ всегда пребывалъ на небѣ и больше связанъ былъ съ небомъ, чѣмъ съ землею, такъ какъ, оставивъ все земное, мыслилъ только о небесномъ, по словамъ: «Размыслилъ я о дняхъ древнихъ, о лѣтахъ вѣковъ минувшихъ, и многому научился» (Псал. 76; 6). Какъ дѣвица простого происхожденія, за красоту лица и добрые нравы избранная въ невѣсты царскія, забываетъ о простыхъ сельскихъ нравахъ, такъ и преп. отецъ нашъ Антоній, будучи избранъ отъ утробы матерней въ рабы Небеснаго Царя, возлюбивъ въ юности небесное, началъ забывать земное, говоря такъ: «Богъ далъ мнѣ забыть всѣ

несчастія мои и весь домъ отца моего» (Быт. 41, 51).

Что же такое расположило его къ презрѣнію міра и сластей? — Любовь Божія, по изреченію псаломскому: — «Милость Твоя, Господи, сопровождаетъ меня» (Псал. 22, 6). И не чудо это! Какъ излишняя теплота понуждаетъ насъ снять одежду и обнажить тѣло, чтобъ съ бѣльшею силою и удобствомъ совершить предложенное дѣло, такъ и горящій огонь любви Божіей сдѣлалъ въ преподобномъ отцѣ нашемъ Антоніи то, что онъ лишилъ себя всѣхъ благъ міра, чтобъ съ бѣльшею крѣпостью и удобствомъ положить начало монашеству. Зналъ онъ хорошо, что не можетъ онъ быть ученикомъ Христовымъ, если не отречется отъ всего имѣнія своего.

Онъ бы могъ воскликнуть со св. Григоріемъ Богословомъ: «Умертвилъ я тѣло мое, въ юности противящееся духу, — трудами и подвигами, и пресыщеніе, и вмѣстѣ съ нимъ гнѣздящагося тирана, нечистоту, побѣдилъ; очи мои смирилъ и утопилъ ихъ въ вѣждахъ моихъ, удержалъ ярость гнѣва моего, владѣлъ поступками своими, смѣхъ обратилъ въ плачь, и со всѣмъ, что было у меня, положилъ себя къ стопамъ Божіимъ; земля была ложемъ мнѣ, власяница одеждою, бдѣніе было мнѣ сномъ, и слезы успокоеніемъ; днемъ

обременялъ я плечи мои работою, всю же ночь, какъ крѣпкій столпъ, проводилъ въ пѣніи псалмовъ, а утѣхи мірской недопустилъ и до мысли моей. Отвергъ я и великую тяготу богатства, чтобъ безъ всякаго препятствія приблизиться къ Богу; такова была въ юности жизнь моя».

Воистину велика была пріязнь между Давидомъ и Іонафаномъ, снявшимъ съ себя одежду, въ которую былъ одѣтъ, оружіе, лукъ и поясъ и давшимъ Давиду, какъ сказано въ Писаніи: «Снялъ Іонафанъ верхнюю одежду свою, которая была на немъ, и отдалъ ее Давиду, также и прочія одежды свои, и мечъ свой; и лукъ свой, и поясъ свой» (1 Цар. 18, 4). Но еще бѣольшую любовь къ Богу показалъ преп. отецъ нашъ Антоній, который не только мірскую одежду свою, богатство и славу, но, что еще больше — сердце свое принесъ въ жертву Богу, исполняя писаніе: «Сынъ мой, отдай мнѣ сердце твое» (Прит. 23, 26). Еслибы мы хотѣли очертить образъ преп. отца нашего Антонія, то, вспомнивъ о самомъ имени его, нужно бы намъ сказать, — такъ какъ онъ былъ съ неба, то человекъ небесный. И каковы могли быть его помышленія, его дѣла, и упражненія: не небесныя ли, какъ у человека, посланнаго свѣше.

Всегда помышлялъ онъ о небесныхъ вещахъ, зная, что нѣтъ совершенства въ благахъ міра, и что они оставляютъ всегда чувства неудовлетворенности. Есть у тебя богатство — нѣтъ почестей; есть почести — нѣтъ здоровья; есть здоровье — нѣтъ мудрости; есть мудрость — нѣтъ краснорѣчія и благодати. А на небѣ праведники изобилью наслаждаются разомъ всѣми благами, ибо у нихъ есть — богатство Божіе, мудрость Божія, сладость Божія, сила Божія, утѣшеніе отъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Все это имѣютъ они заразъ и имѣтъ будутъ всегда, на всю вѣчность.

Еще прославилъ себя преп. отецъ нашъ Антоній иноческимъ богоугоднымъ житіемъ, которое состоитъ въ рукодѣліи, послушаніи, поученіи, безмолвіи и прочихъ добродѣтеляхъ, какъ пишется о томъ въ отеческихъ книгахъ: Монашеское житіе — рукодѣліе, безмолвіе, неосужденіе, неоклеветаніе, нероптаніе, ибо писано: «Любящіе Господа — ненавидьте зло» (Псал. 96, 10). А авва Моисей указывалъ братіи своей, что для инока четыре необходимѣйшихъ добродѣтели: молчаніе, соблюденіе заповѣдей Божіихъ, смиреніе и нищета, и все то исполнилъ преп. отецъ нашъ Антоній, такъ что могъ сказать о себѣ евангельскимъ словомъ: «Все это сохранилъ я отъ юности моей». Онъ

одновременно привлекалъ взоры и людей, и ангеловъ и удивлялъ природу, будучи въ земномъ тѣлѣ и живя нечеловѣчески, а по ангельски — былъ зрѣлищемъ ангеламъ и людямъ; когда же, принявъ иноческій образъ на Аѳонѣ, былъ первымъ въ церковномъ стояніи, первый въ послушаніи, первый въ бодрствованіи, первый въ постѣ: тогда былъ удивленіемъ естеству нашему.

И за это такую получилъ онъ отъ Бога благодать, что Богъ сравнилъ его какъ равнаго по подвигамъ и по славѣ съ древними преподобными, съ Антоніемъ Великимъ, Пахоміемъ, Иларіономъ и прочими, по сказанному: «Сравнялъ его въ славу со святыми и возвеличилъ его дѣлами на страхъ врагамъ; его словомъ прекращалъ чудесныя знаменія, прославилъ его предъ лицомъ царей» (Сир. 45, 2-3). Такою своею богоугодною жизнію преп. Антоній сталъ столь угоднымъ Пресвятой Богородицѣ, что Она взяла его съ горы Аѳонской и даровала его въ поученіе и примѣръ иноческой жизни русскимъ инокамъ, такъ что сбылось надъ нимъ пророческое слово: «Сдѣлаю тебя завѣтомъ народа, чтобъ возстановить землю, чтобъ возвратить наслѣдникамъ наслѣдія опустошенныя» (Ис. 44, 8). Зерцаломъ былъ преп. отецъ Антоній, непорочнымъ зерцаломъ

подвиговъ для Бога. Какъ смотрящiе въ зеркало украшаютъ себя, такъ и преп. отцы Печерскiе, взирая на житiе первоначальника своего Антонiя, украшали житiе и нравы свои, ибо онъ съ молоду обучилъ ихъ бояться Бога и воздерживаться отъ всякаго грѣха. Былъ онъ и живымъ примѣромъ, потому что, чему научалъ другихъ, то сперва старался явить самъ на дѣлѣ, во всемъ показывая въ себѣ образецъ добрыхъ дѣлъ, какъ говоритъ апостоль.

Скажите сами, братiе: чьею помощiю и наставленiемъ обрѣли у Бога столь великую славу прочiе чудотворцы Печерскiе, если не помощiю и наставленiемъ преподобнаго отца нашего Антонiя? Ибо всѣ поучились отъ совершенства его. Чьимъ попеченiемъ и помощiю Печерская обитель похваляется и чтится по всей Руси, если не попеченiемъ и помощiю преп. отца нашего Антонiя Печерскаго, по изреченiю: «Слава дѣтей — родители ихъ» (Прит. 17, 6).

Историки повѣствуютъ, что (въ древности) на одномъ кораблѣ были полотна съ разными рисунками и съ изображенiями битвъ. Пришелъ туда одинъ Аѳинянинъ и смотрѣлъ пристально на изображенiе битвы, бывшей нѣкогда между Лакедемономъ и Аѳинянами; обернувшись, онъ увидѣлъ Лакедемонянина, ходящаго по этому

помѣщенію, которому указалъ пальцемъ на ту битву и сказалъ: «Посмотри, какъ сильны Аѳиняне». Лакедемонянинъ же кратко отвѣтилъ: «сильны, только на полотнѣ». Мало ли людей есть; братіе, въ міру, которые украшаютъ дома различными картинами и изображеніями прадедовъ, дѣдовъ и родителей своихъ и, смотря, такъ хвалятъ ихъ: «святой то былъ человекъ», а кто-нибудь отвѣтитъ имъ: «святой, но на изображеніи», то-есть, на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ, — такъ же какъ Аѳинская крѣпость и мужество, изображенная на полотнѣ.

Приблизимся же и мы ко преп. отцу нашему Антонію Печерскому, запечатлѣемъ въ умѣ богоугодное его житіе, вспоминая, какъ боролся онъ съ міромъ, съ тѣломъ и діаволомъ: съ міромъ — чрезъ отверженіе его, съ тѣломъ — чрезъ умерщвленіе, съ діаволомъ — чрезъ постъ и молитву, и, видя побѣду его; исповѣдуемъ, что на самомъ дѣлѣ явилась крѣпость и сила его. Что привлекло тебя, преп. отче Антоній, къ такимъ подвигамъ? — Христось, слава вѣчная: «Я сораспялся Христу, говоритъ онъ съ Божественнымъ апостоломъ, чтобъ жить для Бога» (Гал. 3, 19).

Въ исторіи повѣствуется, какъ Киръ, царь Персидскій, слѣдующимъ ухищреніемъ возбуждалъ гражданъ къ ратнымъ подвигамъ.

Онъ велѣлъ идти имъ въ лѣсъ и тамъ трудиться надъ рубкою дровъ; а на другой день устроилъ имъ хорошее, какъ подобаеть царямъ, угощеніе. Затѣмъ, собравъ всѣхъ ихъ, онъ спросилъ: какой день, по вашему, лучше — вчерашній или нынѣшній, и повтореніе котораго дня хотите вы? Они всѣ отвѣтили: «Нынѣшняго, потому что онъ былъ днемъ радости и наслажденія, а вчерашній — днемъ труда и усталости». Киръ же сказалъ имъ: «Если вы хотите навсегда имѣть такой день, то нужно вамъ немного потрудиться и побороть врага; одолѣвши его, вы будете почивать въ богатствѣ и наслажденіи».

Во-истину мудра эта уловка Кира, и трудъ нуженъ, чтобъ обладать радостью и счастьемъ. И Самъ Христось, желая поселить насъ съ Собою на небесахъ, и напоить обиліемъ дома Своего, — предлагаетъ не другой какой способъ, какъ трудъ, говоря: «Куплю дѣйте, дондеже прииду».

Если-бъ вы спросили здѣсь, братіе, каково житіе наше, нужно бы отвѣчать: «что вчерашній день исполненъ трудовъ и скорбей» (какъ сказано: «Тысяча лѣтъ предъ очами Твоими, Господи, что день вчерашній, истекшій»).

Какъ Киръ, царь Персидскій, не сразу почтилъ пиромъ своихъ подданныхъ, но послѣ труда ихъ, — также и Христось, тоже послѣ трудовъ нашихъ, обѣщаетъ намъ пиръ, которымъ

несомнѣнно насладится всякій подвижающійся въ трудахъ, по неложному слову Христову: «Какъ завѣщаль Мнѣ Отець Царство, Я завѣщаю вамъ пить и ѣсть на трапезѣ Моей въ Царствіи Моемъ». Поэтому, если хотимъ мы, братіе, принять динарій небесной славы, должны мы прежде потрудиться за него. И, еще — хотимъ ли мы наследовать богатство нашихъ духовныхъ враговъ, веселиться тамъ, откуда они ниспали, и наслаждаться вѣчнаго пира на трапезѣ Христовой: должно прежде побѣдить намъ страсти и похоти плотскія, ибо Христосъ сказалъ: «Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ, какъ побѣдилъ Я и возсѣлъ съ Отцомъ Моимъ на престолѣ Его».

Зналъ это хорошо преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, когда, придя со Святой горы, предался труду копанія пещеры, не желая взять даромъ динарій вѣчной славы, пока трудолюбиво не претерпѣлъ за него, въ увѣренности, что воздастъ Господь праведнымъ мзду за труды ихъ. Копая пещеры, онъ подвижался въ томъ намѣреніи, чтобъ въ надеждѣ воспринять мзду равную съ апостоломъ Павломъ, похвалиться предъ Господомъ: «Господи, больше всѣхъ сихъ я потрудился!»

А не иное онъ дѣло избралъ въ трудъ, какъ копаніе пещеры, потому что помнилъ слова,

сказанныя инокамъ преп. Іоанномъ Лѣствичникомъ: «Пусть удаляемся мы въ страны смиреннѣйшія, мало славныя, и далекія отъ всякой мірской отрады!» А какія мѣста могутъ быть смиреннѣйшія для иноческаго житія, малославнѣйшими и болѣе далекими отъ мірской отрады, какъ пещеры? Какое можетъ быть веселіе или отрада тамъ, гдѣ предстоитъ уму понять о смерти, и никогда не отходить отъ мысли отвѣтъ грѣшному естеству нашему: «земля ты, и пойдешь въ землю». И преп. отецъ нашъ Антоній, чтобъ удобнѣе соблюсти молчаніе, смиреніе, благоговѣніе — и наставитъ прочихъ къ тѣмъ же добродѣтелямъ, первый явился изобрѣтателемъ копанія пещеръ и жизни въ нихъ.

Тутъ явственно показалъ онъ совершенное свое отреченіе отъ міра, когда поселился въ землѣ, чтобъ не видѣли его. Тутъ онъ изобразилъ разомъ житіе Марѣы и Маріи: одной — подвизаясь въ копаніи пещеръ, другой — упражняясь въ Богомыслии и всегдашней молитвѣ. Онъ былъ наставникомъ преп. отцу нашему Θεодосію и прочимъ преподобнымъ въ трудѣ копанія пещеръ и житія въ нихъ, и зналъ, что находящимся въ тѣмъ явится Божертвенный свѣтъ благодати и укрѣпитъ ихъ въ подвигахъ. Смотри на пещеры, гдѣ упокоилось столько

преподобныхъ, всякій скажетъ, что царскіе дворцы, хоромы вельможъ, украшенные разною лѣптою и роскошью — предъ пещерами преп. отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія — вертепы и хлѣвы.

О, святыя пещеры, какъ назвать васъ? Несомнѣнно назовемъ васъ небомъ. Потому, о святыя пещеры, вы — небо, что, какъ небесную твердь украшаютъ солнце, луна и звѣзды, — такъ и васъ украшаютъ преп. отцы наши Антоній и Θεодосій съ прочими преподобными, и изъ нихъ: кто какъ солнце, кто какъ луна, а кто какъ звѣзды. Но что называю васъ небомъ! Вы много прекраснѣе небесъ, потому что на свѣтилахъ небесныхъ случается быть тьмѣ, какъ сказано въ Евангеліи: «солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего» (Матѹ. 24,29). На вашихъ же свѣтилахъ никогда не было тьмы, но и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его» (Іоан. 1, 5). Солнце же ваше — это преп. Антоній, потому что какъ солнце объединяетъ и соразмѣряетъ теченіе планетъ, и примѣряетъ противныя стихіи: такъ и святой отецъ нашъ Антоній соединилъ братію во едино союзомъ любви, какъ планеты, совершающія теченіе на Печерскомъ небѣ, такъ что во всѣхъ нихъ было одно сердце и душа, какъ и во дни апостоловъ, по писанію: «У

множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа» (Дѣян. 4, 32).

Но здѣсь, можетъ быть, братіе, кто-нибудь спросить: почему возлюбилъ преп. отецъ нашъ Антоній жить въ пещерахъ, и въ чемъ тутъ тайна? — На это можно отвѣтить. Во-первыхъ, гробы приличны мертвецамъ, какъ сказано Давидомъ: «Гробы ихъ — жилища ихъ въ родъ и родъ» (Псал. 48, 12). Святой Антоній, умерши однажды для міра, всегда умиралъ умерщвленіемъ плоти, такъ что могъ сказать съ Божественнымъ Апостоломъ: «По вся дни умираю», — и потому любилъ онъ жить въ пещерномъ гробѣ. Кромѣ того, въ Писаніи преп. отецъ нашъ Антоній прочелъ, что царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на полѣ (Матѹ. 13, 44), а вѣдь въ горахъ много находятъ сокровищъ, бываетъ въ нихъ и золото. А что иное есть Спаситель Христось, какъ не золото: «Глава Его — золото, и руки Его — золото» (Пѣсн. 5, 11).

И такъ какъ, отложивъ все мірское, святой Антоній обнищаль ради Христа, то, чтобъ обогатиться, копалъ пещеры и искалъ Христа, какъ сокровища, скрытаго въ полѣ и золота, находящагося въ нѣдрахъ горъ, побуждаемый къ тому словами Христа: «Ищите и найдете» (Матѹ. 7, 7).

Пещеры — убѣжище для боящихся; въ древесныя и каменныя разсѣлины укрываются птицы, голуби и горлицы, боящіяся орла и ястреба, и такъ говорить невестѣ Духъ Святой:

«Голубица моя въ ущельи скалы, подѣ кровомъ утеса (Пѣсн. 2, 14)». И зайцы, слышавъ лай собакъ, укрываются въ каменныхъ пещерахъ, какъ говоритъ псалмопѣвецъ: «камень — прибѣжище зайцамъ». И Соломонъ вѣщаетъ въ притчахъ: «Горныя мыши народъ слабый, но ставятъ дома свои на скалѣ (Прит. 30, 25)». Такъ и преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, чтобъ сохранить себя отъ гордыни, которая является царицею грѣховъ, какъ орелъ — царь птицамъ, отъ любостыжанія, которое похищаетъ и присвоиваетъ себѣ чужое, отъ нечистоты и всякаго невоздержанія плотскаго, — страстей, которыя уподобляются псамъ, устремился въ пещеры, какъ въ надежное и тихое мѣсто; о чемъ въ древности предвозвѣстилъ Богъ чрезъ пророка Исаію: «Въ тотъ день человекъ броситъ кротомъ и летучимъ мышамъ серебряныхъ своихъ идоловъ; которыхъ сдѣлалъ себѣ для поклоненія имъ, чтобы войти въ ущелья скалъ и въ разсѣлины горъ» (Ис. 2, 20-21). И такъ, что Исаія показалъ въ пророчествѣ, — то онъ на дѣлѣ, избирая себѣ пещеры убѣжищемъ отъ всѣхъ грѣховъ. Пещеры суть жилище тѣхъ, чья

жизнь многоплодна, ибо въ каменныхъ пещерахъ и разсѣлинахъ деревъ пчелы собирають медъ, птицы вьютъ гнѣзда, какъ говоритъ пророкъ: «Дастъ знакъ Господь мухъ, которая при устьѣ рѣки Египетской, и пчелъ, которая въ землѣ ассирійской, и прилетятъ и усядутся всѣ онѣ по долинамъ опустѣлымъ и на разсѣлинахъ скалъ» (Ис. 7, 18-19).

Чѣмъ же былъ святой отецъ нашъ Антоній Печерскій, какъ не пчелою или не птицей? Пчелою онъ былъ по трудамъ смиренія, чистоты и благодати. Птицею же онъ былъ по легкости къ нестяжанію; множество добродѣтелей его были ему перья; скорь былъ полеть его къ милостынѣ и высоко парилъ онъ въ поученіи и богомысліи. И потому подобало ему жить въ пещерахъ, во исполненіе добродѣтелей пчелы и птицы, которыхъ онъ носилъ на себѣ образъ. Между птицами нѣкоторыя превосходятъ другихъ полетомъ, такъ что скрываются изъ глазъ людскихъ, достигая пареніемъ облаковъ, и первая изъ такихъ птицъ — орель. И преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій множествомъ добродѣтелей и богоугоднымъ житіемъ вознесся на такую высоту, что во время подвижнической жизни своей не виденъ былъ человѣческимъ очамъ, и теперъ, по смерти его, не могутъ быть видны святыя его мощи; скрывались при жизни

отъ глазъ чловѣческихъ, и по смерти подобало имъ быть скрытыми отъ нихъ.

Откуда же знаемъ мы, братія, когда приближаемся ко гробу его, о честныхъ мощахъ святого отца нашего Антонія? Отъ знаменія огня, который нѣкогда изошелъ отъ его гроба, о чемъ и расскажемъ.

Св. Аѳанасій пишетъ о святомъ Антоніи Великомъ, что онъ имѣлъ такую благодать отъ Бога, что лицо его свѣтилось какъ солнце, и, когда ему однажды пришлось стоять между множествомъ братіи, то всѣ, кто стоялъ далеко, не почему такъ не узнавали святого Антонія, какъ по свѣту, исходящему отъ лица его. Такую благодать имѣлъ, имѣетъ и теперь преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, какъ равный въ подвигахъ преп. отцу Антонію Великому. Самъ Богъ явился ему и свидѣтельствовалъ: «Антоній, ты обрѣлъ благодать предо Мною» (о чемъ и пишется въ житіи его). Потому, если нельзя намъ видѣть его святыхъ мощей, но по свѣтлому огню, исшедшему нѣкогда изъ гроба его, познаемъ, что это нашъ преподобный отецъ Антоній. Это знаменіе, отличающее его среди столь великаго множества безчисленныхъ преподобныхъ, удостовѣряетъ насъ, удаленныхъ долгими годами отъ жизни преподобнаго, что тамъ находились сокровенныя честныя мощи святого Антонія, и

можетъ онъ сказать со псалмопѣвцемъ: «Это покой мой на вѣки вѣка» (Псал. 131, 14).

Напоследокъ же укажемъ еще на причину, по которой преп. отецъ нашъ Антоній возлюбилъ жизнь въ пещерахъ. Воины, приступая ко крѣпкому и неодолимому городу, чтобы взять его, сперва обыкновенно устремляются на ворота, разбиваютъ ихъ разными орудіями, и такъ одолеваятъ. Если же въ этомъ будетъ неудача, тогда дѣлаютъ подкопъ и берутъ городъ. А какой же городъ столь крѣпокъ и неодолимъ, какъ небо? Святой Іоаннъ Богословъ видѣлъ небо, и было у него двѣнадцать воротъ, и на нихъ двѣнадцать ангеловъ: съ востока трое воротъ, съ сѣвера трое воротъ, съ юга трое воротъ и съ запада трое воротъ (Откр. 21, 12-13). А число стѣнъ и основаній также двѣнадцать, по сказанному св. Іоанномъ Богословомъ: «Стѣна города имѣетъ двѣнадцать основаній».

О, Боже нашъ, сколь многіе хотятъ достигнуть того небеснаго города, ударяя въ ворота различными орудіями воинскихъ подвиговъ своихъ; то-есть біеніемъ въ грудь свою, поклонами и метаніями, по сказанному: «Стучите и отворятъ вамъ» (Матѹ. 7, 7). Зная твердо, что Царство небесное берется силою и употребляющіе усиліе восхищаютъ его (Матѹ. 11,

11); какъ добрый воинъ Христовъ, желая обладать тѣмъ городомъ, преподобный отецъ нашъ Антоній старался взять тотъ небесный городъ, не только ударяя себя въ грудь и творя метанія и поклоны, — и ими какъ бы орудіями небеснаго воинствованія ударяя въ ворота города, — но и подкопомъ. И потому онъ сталъ копать пещеры, какъ бы ведя настоящій подкопъ къ небесному городу, и не вотще трудился, такъ что исполнилось надъ нимъ слово Господне, сказанное пророкомъ: «Избранные Мои не будутъ трудиться напрасно» (Ис. 65, 23).

Господь свидѣтельствуешь, что мало людей, стремящихся къ небу такимъ подкопомъ, и онъ говоритъ чрезъ Божественнаго Матѳея: «Тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ» (Матѳ. 7, 14). О, Господи, — мало въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь пещеры, обитель полна такихъ людей, которые идутъ узкими вратами и тѣснымъ путемъ, подкопомъ и жизнью въ пещерахъ стремятся къ жизни вѣчной.

Иные по смерти бывають забыты въ мірѣ, а преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій трудами и подвигами, подъятыми въ этихъ святыхъ пещерахъ, исходатайствовалъ себѣ вѣчную память по всей Россійской землѣ, по сказанному Давидомъ: «Въ вѣчной памяти будетъ

праведникъ» (Псал. 111, 6). И если прекратятся лѣтописцы, не будетъ народовъ, то самыя пещеры, въ которыхъ до смерти подвизался св. Антоній, будутъ гласить, что онъ былъ преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

О, преподобный отецъ нашъ Антоній, видя въ тебѣ сочетаніе тѣхъ иноческихъ добродѣтелей, которыя въ прочихъ находятся обыкновенно въ неравныхъ степеняхъ, воскликнемъ тебѣ по псалму: «Славимъ Тебя, отче, потому что ты дивно устроенъ» (Псал. 133, 14). Если бы кто забылъ подвиги твои и труды, то забудь его десница его, прильпни языкъ его къ гортани его (Псал. 136, 5-6). Если же кто не захотѣлъ бы славить тебя, то эти святыя пещеры, эта святая обитель возвѣститъ всѣ хвалы твои (Псал. 105, 2), всюду возглашая: «Таковъ и долженъ быть у насъ первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ» (Іер. 7, 26).

Удивляясь столь великимъ подвигамъ и добродѣтелямъ твоимъ и желая явственнѣе восхвалить праведность твою во всѣхъ дѣлахъ, обращаемся къ добродѣтели чистоты, которая есть сестра ангеловъ, одолѣніе страстей, царица добродѣтелей и держава всѣхъ благъ. Отъ юности своей, среди другихъ добродѣтелей иноческихъ, прилежалъ онъ и этой добродѣтели,

зная, что чистота уподобляетъ человека не только ангеламъ, но и самому Богу, какъ говоритъ святой Василій: «Нѣчто великое и прекрасное есть дѣвственная чистота, уподобляющая человека нетлѣнному Богу; такъ что онъ являетъ въ себѣ подобіе Божіе, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, исходящее отъ самого Бога и благодати Его, какъ благопріятное сіяніе». Зналъ достоинство чистоты преп. Ефремъ, говоря на похвалу ей такія слова: «О, чистота, обузданіе очей, ведущая все тѣло отъ тьмы въ свѣтъ; о, чистота, смиреніе тѣла, порабоцающая его и быстро стремящаяся къ небесному; о, чистота, любящая мать и жилище ангеловъ, сдѣлавшая людей достойными славословить съ ангелами; чистота, колесница небесная, возводящая на высоту того, кто стяжалъ тебя! Нѣкогда Соломонъ вопрошалъ, кто можетъ сказать: я очистилъ мое сердце, или: я чистъ отъ грѣха моего (Прит. 20, 9)? На этотъ вопросъ, не обинуясь, можетъ отвѣчать преп. отецъ нашъ Антоній: «Я чистъ сердцемъ». Какъ же не было стяжать чистаго сердца тому, кто отъ юности своей принесъ чистоту жизни, какъ жертву Богу, говоря псаломски: «На Тебѣ утверждался отъ утробы» (Псал. 70, 6).

Какъ было не соблюсти чистаго сердца тому, кто былъ ангеломъ во плоти, и можетъ сказать

вслѣдъ за апостоломъ: «Какъ ангела Божія приняли вы меня!» (Гал. 4, 14).

На небѣ девять чиновъ ангельскихъ, и слѣдуетъ спросить намъ, которому изъ нихъ подобенъ былъ преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій: ангеламъ низшихъ чиновъ или высшихъ чиновъ. По послушанію подобенъ былъ ангеламъ низшихъ чиновъ, по любви къ Богу и прочимъ совершенствамъ иноческимъ подобенъ былъ серафимамъ, такъ что святая Печерская обитель можетъ пророчески воскликнуть, въ похвалу его: «прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, въ рукѣ его, горящій уголь» (Ис. 6, 6), — то-есть пришелъ ко мнѣ, какъ бы одинъ изъ серафимовъ съ небесъ — со Святой Горы, изъ лика иночествующихъ, святой Антоній, и дѣла его благія горѣли какъ уголь, составленный изъ любви. Серафимы превосходятъ саномъ и славою всѣ чины ангельскіе на небѣ, святой же отецъ нашъ Антоній богоугоднымъ и чистымъ житіемъ превосходитъ всѣхъ преподобныхъ той святой обители. Кто изъ нихъ былъ столь преподобенъ? Одинъ превосходилъ прочихъ чистотою, кто нестяженіемъ, кто смиреніемъ, кто послушаніемъ, кто рукодѣліемъ, кто безмолвіемъ или постомъ, или молитвою, а св. отецъ нашъ Антоній былъ преподобенъ во всѣхъ

дѣлахъ своихъ, и потому подобенъ онъ серафимамъ.

Былъ нѣкогда Исаія во изступленіи и увидѣлъ серафимовъ, стоящихъ предъ Богомъ, возсѣдающимъ на престолѣ; они закрывали лица двумя крылами, ноги двумя крылами, а двумя крылами летали (Ис. 6, 1-2). Что значитъ эта тайна, разсуждаетъ божественный Златоустъ. Закрывали лица свои, чтобъ оказать великую честь Богу, потому что не могли быстрозоркими своими очами созерцать столь великій свѣтъ, исходящій отъ лица Его; ноги закрывали по стыдливости, чтобъ никто не смотрѣлъ на несовершенную ихъ любовь и движенія сердечныя, знаменуемая ногами. Летали же двумя крылами, чтобъ показать себя готовыми и скорыми ко всякому повелѣнію Господню. Но находимъ и еще толкованіе этихъ словъ и причину: серафимы дѣлаютъ то, какъ бы чудясь, что Сынъ Божій смирится на землѣ и понесетъ крестъ. Поэтому, уподобляясь Господу Своему, каждый стоялъ предъ Нимъ, какъ распятый, потому что крылья у главы были склонены, также и крылья у ногъ, а у раменъ распростерты; объ этомъ-то и говоритъ Исаія: «Двумя крылами закрывали лица свои; двумя — ноги, а двумя летали». И такъ, еслибъ кто

внимательно разсмотрѣлъ положеніе ихъ, то нашель бы, что они знаменовали собой крестъ.

То, что Исаія видѣлъ тогда у престола Божія на небѣ, тому подобіе видимъ мы во святой Печерской обители. Наши двое святыхъ серафимовъ, Антоній и Θεодосій, подражая тѣмъ небеснымъ серафимамъ и предстоя всегда на молитвѣ какъ престолу Божію, Его распятію — и казались распятыми: закрывали лица свои, скрываясь отъ міра въ пещеры, ноги, умерщвляя страсти свои и самихъ себя, двумя крылами летали, когда въ подвигахъ своихъ воздѣвали къ высотѣ руки свои, какъ распростертыя крылья. И какъ тѣ небесные серафимы у небеснаго престола, такъ и наши земные у Господняго креста всегда изображали изъ себя крестъ, по слову святого апостола: «Чтобъ жить для Бога, мы сораспялись Христу» (Гал. 2, 19).

Оставивъ въ сторонѣ св. Θεодосія и обративши слово наше къ святому Антонію, спросимъ, откуда явился у насъ этотъ серафимъ. Святой Іоаннъ Богословъ свидѣтельствуеть: «Съ востока: видѣхъ много ангель восходяща отъ востока солнца». Добрымъ предзнаменованіемъ, братіе, тому, что святая сія обитель будетъ всегда неотторжимо держаться Восточнаго Пастыря, служитъ то, что перваго Строителя своего получила она съ востока.

Небо наполнено чинами ангельскими, по слову пророка: «тысячи тысячъ служили Ему и тьмы темъ предстояли предъ Нимъ» (Дан. 7, 10). Нескудна и святая обитель Печерская, которая имѣетъ столько ангеловъ, сколько преподобныхъ. Божественный Златоустъ написалъ: «Плохо будетъ городу, въ которомъ нѣтъ святаго», и говорилъ, что въ запустѣніе придетъ такой городъ: «Городъ, въ которомъ нѣтъ праведника — или гдѣ былъ праведникъ, да забыли его — приходитъ въ запустѣніе». Кто же не ублажить тебя, святая обитель Печерская, видя, что не только украшена ты святыми, но на святыхъ Божьихъ и основана: «твое основаніе на горахъ святыхъ» (Псал. 86, 9). Богогласный евангелистъ Матѳей обѣщаетъ, что зданіе, основанное человекомъ на камнѣ, — не падетъ ни отъ дождя, ни отъ рѣкъ, ни отъ вѣтра: «Пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камени» (Матѳ. 7, 25). Какъ же мы не будемъ дерзновенно обѣщать святой Печерской обители, что не только тѣлесные, но и душевные враги не смогутъ повредить ей, потому что основана она на мощахъ святыхъ Божіихъ мучениковъ. Филонъ, историкъ еврейскій, говоритъ: «Когда я вижу въ домѣ или городѣ какомъ-нибудь святаго

и благого мужа, ублажаю я и домъ тотъ и городъ». Если же такая похвала относится къ дому или городу, въ которомъ одинъ только преподобный, какой похвалы достойна святая Печерская обитель, въ которой не одинъ, а безчисленное множество преподобныхъ. Воистину называемъ ее блаженною. Какъ не блаженна она, когда непрестанно молится о ней преп. отецъ нашъ Антоній, по обѣщанію своему: «Буду же стараться, чтобы вы и послѣ моего отшествія всегда приводили это на память» (2 Петр. 1, 15). Или какъ не услышитъ Богъ молитвы ходатайствующаго о ней св. Антонія, котораго онъ самъ послалъ отъ Святой Горы и воздвигнулъ на основаніе монастырю, и такъ свидѣтельствуеть о немъ чрезъ Исаію: «Я воздвигъ его въ правдѣ и уровню всѣ пути его, онъ построитъ городъ Мой» (Ис. 45, 13). Богъ ясно показалъ при основаніи небесноподобной святой Печерской церкви, что пріятны Ему молитвы преп. Антонія, когда по моленію его низвелъ воду и росу съ неба на мѣсто святой Печерской церкви, какъ о томъ подробнѣе описано въ житіи его. Какая же въ томъ была тайна? Если разсмотримъ нѣкоторыя свойства росы и огня, узнаемъ причину. Какъ отъ росы земля напояется влагою, такъ и отъ святой обители Печерской Россійская земля напоилась

ученіемъ святымъ. «Рѣки ея окружали потомки ея, и она притоки свои посылала по всѣмъ деревьямъ полевымъ. Оттого высота ея превысила всѣ деревья полевья и сучьевъ на немъ было много, и вѣтви его умножались и сучья его становились длинными отъ множества водъ (Іез. 31, 4-5). Такъ и святая обитель Печерская, подавшая изъ себя начало иноческой жизни другимъ обителямъ, облекла ихъ въ трудъ, въ подвиги, въ праведность, какъ въ зеленые листья.

И какъ роса есть родительница для маргаритовъ и рождаетъ ихъ въ пучинѣ морской, такъ и Богъ чрезъ ту росу свидѣтельствовалъ, что святая обитель Печерская будетъ родительницей преподобныхъ, которыхъ она, какъ драгоценные маргариты, родила въ пещерахъ какъ въ нѣдрахъ морской, по сказанному Исаіемъ: «Рождался ли народъ въ одинъ день, какъ Сіонъ, едва началъ родами мучиться, — родилъ сыновъ своихъ» (Ис. 66, 8). Но, такъ какъ Богъ показалъ также и огнемъ, по молитвамъ преподобнаго, то же мѣсто святой Печерской церкви — въ этомъ видимъ такую причину.

Огонь, по словамъ святого Діонисія, находится невидимо во всѣхъ вещахъ, если не дѣйствиємъ, то силою. Посему Богъ показалъ тѣмъ, что

преподобные Печерские, которые будут жить на томъ мѣстѣ, — будутъ пребывать со всѣми, если не тѣломъ, то духомъ и любовью, по слову апостола: «Если я и отсутствую тѣломъ, но духомъ нахожусь съ вами» (Кол. 2, 5). И какъ пламень огненный влечетъ въ высоту всякую вещь, которую онъ охватилъ, такъ и Богъ свидѣтельствовалъ тѣмъ, что преподобные привлекутъ отъ земныхъ вещей къ небеснымъ живущихъ на мѣстѣ томъ, предлагая имъ всегда слова апостоловъ: «Ищите горняго, гдѣ Христосъ сѣдитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ» (Кол. 2, 3).

Наконецъ, огонь знаменуетъ гнѣвъ и ярость Божию, а роса знаменуетъ слезы на молитвѣ, какъ говоритъ Моисей: «Польется какъ роса рѣчь моя» (Втор. 32, 2). И Богъ показалъ, что какъ вода тушитъ палящій огонь, такъ и слезныя молитвы преподобныхъ утасятъ ярость гнѣва Божія, какъ говоритъ псалмопѣвецъ: «Взываютъ праведники, и Господь слышитъ ихъ» (Псал. 33, 18). Потому-то и было отмѣчено, по молитвамъ преп. Антонія, — мѣсто для основанія святой Печерской церкви росою и огнемъ.

Зная, братія, великую любовь преп. отца нашего Антонія ко святой обители, ублажая его, похвалимъ его словами, которыми нѣкогда Маккавей восхвалялъ Иеремію: «Это

братолюбець, который много молится о народѣ и Святой горѣ» (2 Мак. 15, 14).

Иные, при основаніи храмовъ, размѣряютъ мѣсто веревками, а преп. отецъ нашъ Антоній Печерскій, получивъ указаніе о мѣстѣ, размѣрилъ землю, назначенную для храма Богородицы, золотымъ поясомъ, который данъ былъ ему на это Симономъ, сыномъ Африкана, князя Варяжскаго, о чемъ подробно пишется въ житіи его. Здѣсь слѣдуетъ, братія, спросить, отчего не веревкою, но поясомъ было размѣрено мѣсто для созданія храма Пресвятой Богородицы? Нужно бы спросить, что значитъ тайна эта, тебя, преп. отецъ нашъ Антоній, такъ какъ ты самъ сдѣлалъ это измѣреніе. Но, такъ какъ ты скрылъ это молчаніемъ, какъ хранитель безмолвія, зная, что и за то будетъ хвалить тебя Печерская обитель, какъ сказано въ псалтирь: «хваленіе его въ церкви преподобныхъ», мы по нашему разуму думаемъ, что причина этому такая. Поясъ есть знаменіе славы, какъ вѣщаетъ Сирахъ: «Препоясаль его поясомъ славы» (Сир. 45, 8). Преп. отецъ нашъ Антоній показалъ, что Богъ прославить эту святую обитель болѣе другихъ русскихъ обителей, поэтому и размѣрилъ ее поясомъ, говоря съ пророкомъ Іереміею: «Какъ поясъ лежитъ близко къ чресламъ чловѣка, такъ Я приблизилъ къ Себѣ весь домъ Израилевъ и

весь домъ Іудинъ, чтобы они были Моимъ народомъ и Моею славою (Іер. 13, 11).

Кромѣ того, поясъ знаменуетъ мученичество, о которомъ самъ Христосъ сказалъ св. Петру: «Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ, когда же состаришься, другой препояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь» (Іоан. 21, 10). Преп. отецъ нашъ Антоній размѣрялъ поясомъ это мѣсто въ знаменіе того, что въ немъ родятся мученики, умерщвляющіе самихъ себя (по слову: «Тебе ради умерщвляеми есмы весь день»), и потому размѣрилъ не веревкою, а поясомъ. Или, наконецъ, предсказывалъ тѣмъ, что отъ того святого мѣста какъ изъ училища мученичества выйдутъ препоясанные страдальцы Христовы, о которыхъ пророчествовалъ Исаія: «Будетъ препоясаніемъ чреслъ его правда» (Ис. 11, 5).

Не безъ причины и не напрасно преп. отецъ нашъ Антоній вмѣстѣ съ «золотымъ поясомъ, которымъ размѣрилъ мѣсто святой Печерской церкви, принялъ, по повелѣнію Божію, отъ Симона и золотой вѣнецъ, чтобъ повѣсить надъ жертвенникомъ, но указывалъ онъ тѣмъ, что та святая церковь и живущіе при ней должны были стать златымъ вѣнцомъ Христовымъ, какъ говоритъ Исаія: «И будетъ вѣнцомъ славы въ рукъ Господней» (Ис. 62, 3). То же вѣщаетъ и

Самъ Христосъ чрезъ апостола каждому изъ преподобныхъ: «Возлюбленные и вождельные братья мои, радость и вѣнецъ мой!» И для того получилъ онъ вѣнецъ, чтобъ возвѣстить, что здѣсь будутъ жить люди такой жизни, что въ нихъ будетъ пребывать Богъ, по слову пророка: «Вы мнѣ будете царствомъ священниковъ» (Исх. 19, 6). Вѣнцомъ предзнаменовалъ, что какъ цари выдѣляются предъ всѣми царскимъ вѣнцомъ своимъ, такъ и святая Печерская обитель превзойдетъ, какъ царица, другія обители славою и богатствомъ добродѣтелей. «Многія дочери пріобрѣли богатства, а ты преуспѣешь и вознесешься надъ всѣми».

И какъ вѣнецъ золотой бываетъ богатъ драгоценными каменьями, такъ и обители Печерской предстояло богатство добродѣтелей, какъ сказалъ Сирахъ: «Самъ стоя при углѣ алтаря и окрестъ его вѣнецъ братій».

Наконецъ, поясъ знаменуетъ добродѣтели и благостыню, какъ говоритъ апостоль: «Станьте, препоясавъ чресла ваши истиною» (Ефес. 6, 14), а вѣнецъ изображаетъ награду за подвиги.

Святый Антоній, еще во время основанія той церкви, желая привлечь учениковъ своихъ и тѣхъ, которые будутъ послѣ нихъ, къ добродѣтелямъ и подвигамъ, въ знаменіе воздаянія за добродѣтели получилъ вѣнецъ и

повѣсилъ его, сдѣлавъ надъ нимъ надпись: «Не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться» (2 Тим. 2, 5).

Но такъ какъ и поясъ и вѣнецъ были золотые, это было знакомъ, что всѣ эти подвиги будутъ совершаться ради любви къ Богу, который изображаетъ золото, по слову Господню: «Совѣтую тебѣ купить золото, расплавленное огнемъ, чтобы тебѣ обогатиться» (Откр. 3, 18). А подъ огнемъ истолкователи разумѣютъ любовь.

Кто, братіе, живя во святой Печерской обители, не возрадуется тому, что она называется чудотворною не только отъ преподобныхъ, по и отъ основанія своего, сопровождавшагося чудесами! Кто не возвеселится, видя въ ней такого предстателя и заступника, всегда молящаго о томъ, чтобъ не были мы лишены вѣнца славы, прообразомъ котораго былъ вѣнецъ, дарованный во время основанія той святой церкви. И мы радуемся, преп. отче нашъ Антоній, и празднуемъ твою память, хвалимъ тебя какъ дѣти отца, какъ ученики учителя, какъ овцы пастыря и наставника, — и, въ воспоминаніе о тебѣ сплетши тебѣ вѣнецъ изъ твоихъ же добродѣтелей, — украшая тебя имъ, взываемъ:

«Радуйся, носящій небесное имя, всегда мыслящій не о земномъ, но о небесномъ».

«Радуйся, зеркало воздержанія, смиренія, послушанія и безмолвія».

«Радуйся, примѣръ чистоты и цѣломудрія».

«Радуйся, вольный мученикъ».

«Радуйся, совершенный постникъ».

«Радуйся, пророкъ».

«Радуйся, врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ».

«Радуйся, изгоняющій бѣсовъ».

«Радуйся, серафимъ, принесшій сюда съ горы Аѳонской въ устахъ, какъ клещами, горящій уголь подвиговъ иноческихъ».

«Радуйся, ангель, принесшій въ Россію со Святой Горы начало ангельскаго житія».

«Радуйся, солнце, возсіявшее намъ отъ востока — отъ Святой Горы, на горахъ Кіевскихъ и до вечера собравшее на подвиги множество иночествующихъ по слову Давида: Восходитъ солнце, и они собираюся (Псал.103, 22)».

«Радуйся, вертоградарь, украсившій преподобными, какъ цвѣтами, это жилище Божіе».

«Радуйся, принявшій благословеніе отъ Святой Горы, чтобъ умножилось въ Россіи потомство твое, какъ звѣзды небесныя и песокъ на берегу морскомъ».

«Радуйся, второй Авраамъ, вмѣнившій себя за землю и пепель, и потому неисходно жившій въ землѣ».

«Радуйся, что изъ тебя, какъ изъ корня, во святой обители Печерской выросъ плодъ славы и богатства преподобныхъ».

«Радуйся, второй Гедеонъ: какъ онъ, въ знаменіе побѣды надъ Маделнитами, свель молитвами своими росу на руно, такъ и ты въ знаменіе основанія церкви своими молитвами низвелъ росу съ неба на землю».

«Радуйся, второй Илія: какъ онъ свель съ неба огонь для истребленія слугъ царя Охозіи, такъ и ты свель огонь съ неба для очищенія мѣста для церкви Богоматери».

«Радуйся, получившій извѣщеніе отъ Пресвятой Богородицы объ отходѣ твоёмъ отъ земли къ небу».

«Радуйся, столпъ крѣпости предъ лицомъ врага, на которомъ утверждена святая Печерская обитель».

«Радуйся, похвала наша».

«Радуйся, единственное прибѣжище наше по Богъ и Пресвятой Богородицѣ и теплое заступленіе наше».

«Радуйся, испустившій нѣкогда пламень отъ святого твоего гроба, въ знаменіе любви твоей къ живущимъ въ твоей святой обители».

«Радуйся, молитвами твоими даровавшій Іоанну Многострадальному побѣду на страсти плотскія и одолѣніе на блуднаго бѣса».

«Радуйся, измѣрившій золотымъ поясомъ храмъ Богоматери, отъ Которой ты получилъ поясъ безсмертія».

«Радуйся, получившій вѣнецъ для украшенія церкви Печерской, а потомъ принявшій на главу свою неувядаемый вѣнецъ на небѣ!»

Украсивъ тебя, преп. отче нашъ Антоніе, этимъ вѣнцомъ радости, славы и чести, смиренно припадая къ ракъъ мощей твоихъ честныхъ, молимъ тебя прилежно, поминай насъ, отче нашъ, почитающихъ память твою. Кто вѣдь такъ предстательствуетъ о насъ предъ Богомъ какъ ты, породившій насъ духомъ. Знаемъ мы, преп. отче нашъ Антоній, что твоими молитвами и благословеніемъ, когда жилъ ты здѣсь, не погибъ ни одинъ изъ учениковъ твоихъ, но всѣ, какъ побѣдители страстей, увѣнчаны на небѣ вѣнцомъ.

А мы, хотя настолько же далеки отъ подвиговъ и прежнихъ учениковъ твоихъ, какъ небо отъ земли, но, чего не достигаемъ мы трудами, въ

томъ помогай ты намъ молитвами своими, чтобъ намъ, представши на страшномъ судѣ съ древними учениками твоими, услышать отъ тебя гласъ хвалы: — «Вотъ я — и дѣти мои, которыхъ далъ мнѣ Господь!» (Ис. 8, 18).

Тогда ученики твои, преп. отче нашъ Антоніе, имѣли отъ тебя великія благодѣянія: кто — власть на духовъ темныхъ, кто — силу на умерщвленіе похотей плотскихъ, кто — даръ исцѣленій. И мы наслаждаемся теперь великими твоими благодѣянiami. Чьи молитвы дѣлаютъ то, что мы пребываемъ безъ вреда, между тѣмъ какъ люди многимъ лучше насъ — въ эти лютыя времена — умерли различными смертями: отъ голода, отъ бѣдствій, отъ меча, въ плѣну? — Это твои молитвы надъ нами.

И въ знакъ благодарности за твои благодѣянія мы надъ гробомъ твоимъ пишемъ тѣ слова, которыя написалъ нѣкогда Аристотель учителю своему Платону, воздвигая ему алтарь: «Тотъ, котораго по истинѣ всѣ должны величать и славить».

Какъ же мы не будемъ славить тебя, преподобный отче нашъ, когда славятъ тебя самыя небеса, по слову псалма: «Да торжествуютъ святыя во славѣ» (Псал. 149, 5). Какъ не величать тебя, возвеличившаго во всемъ людей твоихъ и прославившаго ихъ, и нигдѣ,

никогда не презрѣвшаго ихъ при твоємъ предстояніи престолу Божію?

Преп. отче нашъ Антоніе, ты знаешь немощи наши. Не можемъ мы, какъ хвалить, величать, такъ и достойно наследовать тебѣ. Еслибы и хотѣли мы усердно и достойно славить тебя, то труды и подвиги твои превосходятъ нашъ разумъ; еслибы хотѣли явиться наследниками тебѣ по жизни — нѣтъ въ насъ той крѣпости. Потому молимъ тебя: молись о насъ Владыкѣ и Богу нашему, чтобъ вразумилъ Онъ насъ и чтобъ мы могли славить, величать и достойными явиться тебѣ наследниками. Христосъ — наша сила, Богъ и Господь. Потому, припадая усердно къ ракъ честныхъ мощей твоихъ, молимъ тебя: молись и о томъ, чтобъ подалъ намъ силу и крѣпость на враговъ души нашей, удаляющихъ насъ всегда отъ путей преподобныхъ учениковъ твоихъ, — силу противъ похотей плотскихъ, силу на умерщвленіе всѣхъ страстей. Чтобъ явиться намъ побѣдителями ихъ и воспринять, въ день страшнаго суда, твоими молитвами побѣдный вѣнецъ съ древними учениками твоими отъ Побѣдителя враговъ, Христа, Сына Божія, и получить вмѣстѣ съ ними въ Царствіи Божіи наследіе славы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ Которому подобаешь слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ,

благимъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Источникъ: Кіево-Печерскій патерикъ. Полное собраніе житій святыхъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ подвижавшихся. (Составленъ тремя печерскими святыми: Несторомъ, лѣтописцемъ Печерскимъ, Симономъ, епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ, и Поликарпомъ, архимандритомъ Печерскимъ.) — *Издание второе, въ новомъ полномъ переводѣ Е. Поселянина.* — М.: Издание книгопродавца А. Д. Ступина, 1900. — С. 44-69.

